

- ⁷ ДАОО. - Ф. 4. - Оп. 17. - Спр. 538. - Арк. 109-117.
- ⁸ Там само. - Арк. 117, 134.
- ⁹ Ципперштейн С. - Вказ. праця; Рафалович М. Одесские евреи // Одесский вестник. - 1841. - 25 июня.
- ¹⁰ Губарь О. - Вказ. праця. - С. 210.
- ¹¹ Ципперштейн С. - Вказ. праця. - С. 48.
- ¹² Одесский вестник. - 1842. - 24 января.
- ¹³ ДАОО. - Ф. 4. - Оп. 107. - Спр. 32 (1851). - Арк. 38.
- ¹⁴ Ципперштейн С. - Вказ. праця. - С. 104.
- ¹⁵ ДАОО. - Ф. 1. - Оп. 173. - Спр. 27. - Арк. 13.
- ¹⁶ Адресная книга одесских 1-й и 2-й гильдии купцов. - Одесса, 1890. - 137 с.; Список одесских 1-й и 2-й гильдии купцов 1887 года. - Одесса, 1887. - 47 с.; ДАОО. - Ф. 16. - Оп. 108. - Спр. 13 (1886). - Арк. 120-125-зв.
- ¹⁷ ДАОО. - Ф. 4. - Оп. 107. - Спр. 12 (1848). - Арк. 9-зв.; Ф. 16. - Оп. 108. - Спр. 13 (1886). - Арк. 252-зв.
- ¹⁸ ДАОО. - Ф. 4. - Оп. 1. - Спр. 435 (1835). - 453 арк.; Оп. 6а. - Спр. 87. - 30 арк.; Оп. 8. - Спр. 827. - 73 арк.
- ¹⁹ Там само. - Оп. 6а. - Спр. 87. - Арк. 1-зв.
- ²⁰ Тиганій К.А. Євреї в Одеському міському самоврядуванні в ХІХ столітті // Інтелігенція і влада. - 03/2008. - Вип. 13. Сер.: Історія. - С. 19-29.
- ²¹ ДАОО. - Ф. 4. - Оп. 17. - Спр. 538. - 392 арк.
- ²² Ципперштейн С. - Вказ. праця. - С. 69.
- ²³ ДАОО. - Ф. 1. - Оп. 202. - Спр. 42 (1852). - Арк. 10.
- ²⁴ ДАОО. - Ф. 4. - Оп. 107. - Спр. 33 (1848). - 84 арк.
- ²⁵ ДАОО. - Ф. 4. - Оп. 107. - Спр. 35 (1858). - 13 арк.; Спр. 45 (1853). - 83 арк.; Спр. 74 (1855). - 32 арк.
- ²⁶ ДАОО. - Ф. 1. - Оп. 173. - Спр. 40. - Арк. 14.
- ²⁷ ДАОО. - Ф. 1. - Оп. 173. - Спр. 27. - 112 арк.; Губарь О. - Вказ. праця. - С. 216.
- ²⁸ ДАОО. - Ф. 1. - Оп. 202. - Спр. 42 (1852). - 113 арк.; Ф. 4. - Оп. 1. - Арк. 435 (1835). - 453 арк.
- ²⁹ Васильев Ю.К. Деятельность Общества одесских врачей в начале XX ст. // Вісник Сумського державного університету. Серія: Медицина. - 2010. - № 2. - С. 206-214.
- ³⁰ Ципперштейн С. - Вказ. праця. - С. 67-68.
- ³¹ Рассвет. - 1860. - 27 мая. - С. 1.

Тамаз Путкарадзе (Батуми, Грузия)

ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА В ТУРЦИИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КУРДСКО-ТУРЕЦКОГО КОНФЛИКТА

Рубеж XX-XXI вв. стал тяжелым временем для Турецкой Республики. Она оказалась перед лицом серьезных политических вызовов. С одной стороны, в это время существенное развитие получила экономика страны. Вместе с тем явно была прервана тенденция демократического развития. В результате указанных процессов у отдельных этнических групп данной страны остро встал вопрос защиты этнической самобытности, чему способствовало обострение этнических конфликтов в отдельных регионах.

Разрушение характерной для тоталитарной системы идеологии («все мусульмане - турки») поставило нетурецкие этнические группы перед необходимостью замены старой идеологии на новую. Развитие демократических процессов способствовало мобилизации отдельных этнических групп. Очевидно, что это происходило на фоне противостояния компактно проживающих этнических групп и других этнических сообществ. Характером этнической мобилизации отличались живущие в Турции курды, которые пытались использовать историю в политических целях. Осознание того, что такой многочисленный народ не имеет собственного государства, эффективно воздействует на характер этнической мобилизации. К этому добавляется убеждение в том, что они испытывают дискриминацию со стороны доминирующего этноса.

Процессы демократизации способствовали этнической мобилизации и других живущих в Турции групп. И в этом случае один из факторов - влияние истории, хозяйственных и бытовых традиций, высокоразвитой культуры. Здесь имеются в виду живущие здесь грузины, которые гордятся своим богатым историческим прошлым и хозяйственно-культурными традициями. По словам респондента Эрдона Алтуни (Вахтанга Кеподзешвили), «Турки еще не спустились со спины лошади, когда мы пашню засевали». Настолько очевиден в современной Турции вопрос поиска идентичности, хотя отмеченные процессы явно проявляются на фоне грузино-турецкого противопоставления.

В современный период совершенно очевидным становится возрождение идентичности, хотя для турецкой действительности это парадоксальное явление. Несмотря на оживление идентичности и этническую мобилизацию в большинстве случаев у представителей нетурецких этнических групп проявляется самоидентификация с тем государством, в котором они живут. Вместе с поэтапным углублением процессов демократизации постепенно исчезает та общая идентичность, которая имела в основании религиозную общность и объединяла все проживающие в Турции этнические группы мусульманского вероисповедания.

Сегодня компактно проживающие в Турции этнические группы требуют права получать образование на родном языке. Этот процесс совершенно очевиден и в среде курдского населения. По словам респондента, «Курды наполовину турки и ничто не мешает им говорить по-курдски. Правительство ничего не говорит, терпит» (*Путкарадзе, 2009*). Требования курдов воспринимаются как справедливые, и аналогичные потребности появляются и у других негрузинских этнических групп: «Если им разрешили разговаривать на курдском языке, пусть и нам разрешат», - отмечают проживающие в Турции грузины.

По словам респондента (Эрдон Алтуни), вставшая на путь демократизации Турция не запрещает другим этническим группам разговаривать на родном языке, но уже нет условий для его распространения и сохранения: «Раньше в селе все имели скот, засевали пашню, отара была в селе, теперь из государства империалистов привозят мясо, привозят зерно. Сельское не продают. В селе что мы имели, все из других государств доставляют. Из-за этого жизнь в селе закончилась. Что было, лес был, реки были, все продали. В селе работы не осталось, скота осталось совсем мало, землю не обрабатывают, молодежь подалась в города. Теперь правительство говорит - не мешать говорить по-грузински, но народ ушел в город, а там на грузинском языке с кем поговоришь? В такой ситуации и я в турка превращусь». В обеспокоенности респондента явно виден примечательный факт: индивидуальный характер поиска идентичности. В целом для проживающих в Турции грузин характерна идентичность той страны, в которой они живут, на индивидуальном же уровне в отдельном случае проявляется желание отмежеваться от него, хотя публично поддерживают его фиксацию.

Суть политики Турецкого государства на индивидуальном уровне в связи с отмеченным вопросом можно сформулировать следующим образом: «Теперь вроде бы наступила демократия. Церкви не разрушают, что такого в церкви или в зашедшем в церковь человеке. Грузинская речь чем помешает, пусть бы и заговорили по-грузински?». Примечательно, что церкви и монастыри разрушены в грузиноязычных населенных пунктах, а сохранились они там, где удалось уничтожить все грузинское (картвелоба). Более того, в результате местной пропаганды даже в грузиноязычных селениях часть грузинского населения признает армян (эрмени) хозяевами церквей и монастырей, крепостей и арочных мостов. Ясно, что церковь - безусловный аргумент в пользу идентификации с христианством. Ранее, в условиях существовавшего там режима, признание этого было связано с серьезным риском, но объявление владельцами крепостей и арочных мостов армян (эрменеби) скрывает определенные вопросы. Подобное отношение части грузин к наследию родной культуры - это результат идеологической работы соответствующих структур турецкого государства. На уровне отдельного индивида цель государственной политики понятна: «Наши говорят: крепость, церковь, мост (имеются в виду арочные мосты), мол, армянами построены. И места здесь армянские. Почему? Мы живем здесь сотни лет, и царица Тамара здесь жила. Это разве забудется, а если так говорят в народе, то это неправда», - говорит респондент и связывает указанную трансформацию с идеологической деятельностью государства.

Углубление демократических процессов в Турции не означает полного разрушения турецкой системы правления. Процесс его модернизации не был простым. Он безусловно был испытанием групповой идентичности и главным фактором мобилизации различных этногрупп, что могло принести минимум в виде требования создания автономии в рамках государства. В направлении курдов указанная модель уже налицо. Сепаратистская часть курдов стремится к легализации своих требований. Турецкое же правительство при улаживании проблемы стремится пренебречь требованиями курдов. Нельзя не отметить и ту элементарную истину, что одним из факторов эскалации конфликта и этнической мобилизации может стать политический режим, его особенности. Чем более демократична политическая среда, тем более ненасильственным является протест со стороны этнополитических групп, и наоборот (Ториа, 2009: 116).

В Турции же тенденции демократического развития проявились только на рубеже XX-XXI вв., хотя, по словам респондента, указанные тенденции носят чисто внешний характер: «Снаружи поглядишь - кажется демократическим, а как заглянешь внутрь, все не так. Грузины (гурджи) боялись называть себя грузинами. Теперь считают, что уже все не так. Курды 20 лет воюют, чтобы у них не отняли их язык» (Путкарадзе, 2009). Масмедиа подлежат постоянному государственному контролю.

Несмотря на проблемы развития и углубления процессов демократизации, в Турции в последнее время явно увеличилась степень свободы человека. Грузины уже не опасаются собираться вместе, давать новорожденным грузинские имена и т.д. Некоторые уже думают об открытии грузинских газет, грузинских школ, о том, что обязательно надо хранить традицию чистоты крови (в последнее время она чувствительно поколеблена). Примечательно, что местные грузины предпочитают выдать свою дочь замуж за мусульманина, но ни в коем случае не за христианина, даже если он грузин.

Тенденция этнического сплочения грузин проявляется, с одной стороны, на фоне грузино-турецкого противостояния и параллельно - развития демократических тенденций, а с другой стороны, активизации «Партии турецкого народа». Официально правительство не осуществляет дискриминацию какого-либо этноса, политических притеснений, но националистические организации страны или отдельные личности являются носителями явно протурецкой идеологии, направленной против иных этнических групп путем идеологии или пропаганды. По словам респондента, «для них главный - турок, туркмен, азербайджанцев защищают, а грузин - нет. О войне осетин и грузин говорят: пусть убивают друг друга» (Путкарадзе, 2009).

Определенное влияние на этническую консолидацию грузин оказали грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты. Для местных грузин оказалась неприемлемой позиция живущих в Турции абхазов и черкесов, которые в этой войне были на стороне сепаратистов. По словам респондента, «абхазы Турции помогали абхамам Грузии. Один абхаз из Бурсы погиб на этой войне. Мы не можем перенести их присоединение к абхамам. По-старому о них наше сердце уже не болит, остыло сердце» (Путкарадзе, 2009). По их же сообщениям, местные абхазы активно осуществляют антигрузинскую пропаганду, будто бы грузины устроили геноцид абхазов и осетин, грузин представляли захватчиками, агрессивным народом (Путкарадзе, 2009).

Среди грузинского, армянского и турецкого населения существует различие во взглядах в связи с вопросом об автохтонности живущего в Тао-Кларджети населения, в частности грузин. Очевидна позиция турок и армян, но непонятно отсутствие самосознания у определенной части грузин в этом вопросе. В частности, различаются друг от друга позиции живущих здесь грузин, хотя бы имерхевцев. Часть их признает, что они живут на турецкой земле. Другая часть считает себя пришедшими из Грузии, а еще меньшая часть знает, что они живут на собственной этнической территории и отдалены от остальной Грузии в результате исторических бедствий.

Несмотря на существование различных мнений по указанному вопросу, у грузин Турции («чвенебуреби» - так мы называем грузин, живущих в пределах Турции) постепенно возрождается и усиливается сознание этнической общности, верность традициям и обычаям предков, представление о судьбе и историческом единстве. Идентичность бытовой культуры

(матеріальна, духовна і соціонормативна культура, система питания и т.д.) способствуют процессу сплочения грузин. Тем не менее, следует отметить, что в Турции нет условий, способствующих развитию и сохранению народной культуры и этнического самосознания грузинского народа. Большая часть грузин, живущих на исторической грузинской земле, со временем восприняли турецкий образ жизни. Практически ни в одном грузинском селении нет не только грузинской, но и турецкой школы. Миграция молодежи в городские поселения приняла массовый характер. В городах же планомерно и естественно протекают необратимые процессы этнической ассимиляции.

Несмотря на отмеченные тенденции, грузины - «чвенебуреби» накопили богатый опыт совместного проживания с турецким народом, который необходимо эффективно использовать для защиты интересов этнической мобилизации и сохранения национальной самобытности.

¹ Путкарадзе Т. Полевая этнографическая экспедиция в Шавшети. - Шавшети, 2009.

² Тория М. Поиски идентичности и роль этнической мобилизации в эскалации грузино-осетинского вооруженного конфликта 90-х годов XX в. // Кавказский этнологический сборник. - 2009. - Вып. XI. (Тбилиси, на груз. яз.).

Віктор Савченко (Одеса, Україна)

АРХІВНІ ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ АНАРХІСТСЬКОГО РУХУ В УКРАЇНІ ПЕРШОЇ ЧВЕРТІ XX ст.

Історія політичного та суспільного життя Східної Європи XX ст. буде неповною без висвітлення діяльності ліворадикальних політичних рухів. Довгий час наукове вивчення феномену анархізму в Україні гальмувалося державними науковими інституціями, а сам анархізм, з «легкої руки» Леніна-Сталіна, малювався маргінальною пародією на політичний рух, притулком одинаків - «маніяків терору», бандитів і «дрібнобуржуазної контрреволюції». Така характеристика позбавляла дослідників можливості плідно працювати в архівах, висвітлюючи політичну практику анархістського руху. Тільки в 1990-х рр., пропагандистські памфлети поступилися місцем першим ґрунтовним науковим працям з історії анархізму в Україні¹. З часом в науковій періодиці було опубліковано кілька джерелознавчих статей з цього питання².

Значною допомогою при вивченні анархістського руху 1903-1929 рр. виступають серійні видання «Архів новітньої історії Росії», що були створені Державним архівом Російської федерації та Інститутом російської історії РАН, в яких знайшли своє місце документи з російських архівів (в тому числі з Центрального архіву ФСБ), що висвітлюють історію анархістського руху в Україні³.

Вивчення історії анархізму в Україні наштовхується на низку істотних труднощів. Анархісти, слідуючи своїм головним ідеологічним постулатам і вимогам конспірації, відмовлялися від «партійності», «партійного будівництва та діловодства», «фіксованого членства». Все це призводило до майже повної відсутності в державних архівах документації анархістських структур (конфедерацій, федерацій, груп), виняток становить окремий блок документів: протоколи рішення зарубіжних нарад, конференцій, з'їздів анархістських організацій, інформація про які опинилася в слідчих справах анархістів, як доказ їх «політичної провини».

У Державному архіві Російської Федерації (ДАРФ), Центральному державному історичному архіві України (ЦДІА), Галузевому державному архіві Служби безпеки України (ГДА СБУ), Центральному державному архіві громадський об'єднань України (ЦДАГО), Центральному державному архіві вищих органів влади та управління України (ЦДАВОВУ) можна знайти спогади учасників анархістського і махновського рухів, окрім документи